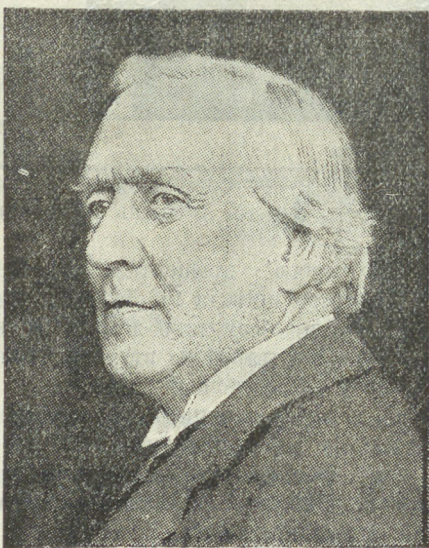

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ГАЗЕТЪ

УРАЛЬСКАЯ = ЖИЗНЬ =

Пятница, 19-го Февраля 1916 года.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ АНГЛИИ.

Английскій премьеръ-министръ Асквизъ.

Английскій министръ снабженія, Ллойд-Джорджъ.

Сэръ Арчибалдъ Меррей, командующій английскими войсками въ Солунн.

Скрипки осени.

Посвящается авт. драмы «Осеннія скрипки».

Подъ шелестъ дождя и увядшихъ листьевъ,
Подъ трепетъ послѣдней холодной улыбки
Природы, сходящей подъ снѣжный покровъ,
Рыдаютъ печальныя осени скрипки...
Слетаютъ послѣдніе листья съ березы,
Кружатся къ землѣ припадаютъ утрюмо...
Какъ будто весеннія, свѣтлыя грезы
Хоропятъ подъ темной, осеннею думой...
Вотъ трепетно ежатся темныя лички...
Продрогло, иззябло нагое ихъ тѣло...
Пеладала на-земь листва, что ихъ грѣла...
Надъ ними рыдаютъ осеннія скрипки.
Покровы живые съ деревь облетѣли...
Ихъ хрупкія жизни уже догорають...
Остались въ саду лишь одни иммортели...
А скрипки мучительно грустно рыдаютъ.

Константинъ Новиковъ.

Золотисто-желтое.

Люблю золотисто-желтое, цвѣтъ многоликой,
коварной измѣны.

Отъ дней перваго дѣтскаго лепета до прощаль-
но-усталой улыбки догорающей жизни на всѣхъ
путьяхъ мы встрѣчаемъ его, — странный призракъ
съ обманчивымъ блескомъ въ глазахъ, со смѣ-
хомъ, переходящимъ въ рыданья, призракъ, вѣ-
ющій намъ желтымъ плащемъ.

Триумфально ведетъ онъ на залитыя сіяніемъ
снѣговья вершины, но тамъ, гдѣ казались для
насъ безсмертныя розы и лиліи, — лишь грязный
снѣгъ и холодныя камни.

Вчера онъ сказалъ вамъ: «Она, засыпая, твер-
дитъ ваше имя». Но, восхищенный, прильнувши
къ ея изголовью, вы слышите имя врага...

Рыцарь въ желтомъ плащѣ черезъ недѣлю объ-
щаль мнѣ богатство и славу. Минуль срокъ, — не
почему же я нищій, какъ раньше, и отъ меня
отвернулись совѣтъ?

Тотъ рыцарь — Измѣна, миражный обманъ...

Но зачѣмъ же любить золотистое, желтое,
цвѣтъ коварной измѣны?

Любить — простить, примириться, не ждать,
предостерегать себя отъ сладкаго дурмана меч-
таній.

Подружитесь съ желтопланнымъ обманщикомъ
— и онъ больше, не станетъ шептать оболъщенныхій.

Какой-то поэтъ положилъ къ ногамъ вьюсь
любимой букетъ блѣдныхъ, едва зарумяненныхъ
розъ, и окружилъ ихъ гирляндой изъ желтыхъ.

Счастливецъ: онъ не будетъ несчастливъ.

Онъ напередъ сказалъ себѣ то, что послѣ обма-
на и напрасныхъ терзаній услышалъ бы отъ ры-
царя въ желтомъ:

«Не будетъ любви!»...

Какъ же не полюбить золотисто-желтое, цвѣтъ
многоликой измѣны?...

С. Виноградовъ.

Чары.

Разсказъ Ральфа Стокъ.

Перев. съ англ. С. Т.

Да, сбросилъ бы тогда Феннеръ этотъ глу-
пый вѣнокъ, и все пошло бы не такъ! Теперь
я, положительно, увѣренъ въ этомъ. Феннеръ
пользовался большою популярностью въ Міа-
ту, но не потому, что онъ поилъ туземцевъ
грогомъ, я знаю, что онъ никогда не дѣлалъ
этого. Онъ подходилъ къ нимъ по натурѣ, —
вотъ и все. И какъ дѣти, или животныя чув-
ствуютъ инстинктомъ, кто къ нимъ распола-
женъ, такъ и обитатели острова почувствова-
ли и полюбили въ немъ родственную душу.

Зато на родинѣ оплакивали Феннера. Его
считали ничемнымъ человѣкомъ и, дѣйстви-
тельно, въ немъ было полное отсутствіе... зла.
Мужественный, красивый, обладатель капита-
ла, который могъ бы привести къ гибели
всякаго другого, онъ былъ взрослымъ ребен-
комъ, жизнерадостнымъ, безразсуднымъ и
престымымъ.

Но вернемся къ вѣнку. Это былъ вѣнокъ
изъ пурпуровыхъ цвѣтовъ «drata». Его бро-
силъ туземецъ съ одной изъ безчисленныхъ
лодокъ, кружившихся вокругъ нашего катера
на подобіе пчелинаго роя. Феннеръ подхва-
тилъ вѣнокъ и надѣлъ его себѣ на шею.

Громкіе, радостныя клики огласили воздухъ.

На восточномъ фронтѣ.

Русскіе солдаты съ проекторомъ.

Отъездъ на фронтъ.

Третій звонокъ.

По понятіямъ островитянъ, это было предзнаменованіемъ, что отъѣзжающій вернется обратно.

Феннеръ слышалъ объ этомъ повѣрью. Онъ махалъ шляпой, привѣтливо улыбаясь, смущенно шепча: «какой же я лгуны!» Онъ зажечь сигару.

«Славно провели мы здѣсь времячко, Клемъ!» сказалъ онъ, наконецъ, съ разстановкой, которую я привисалъ куренью.

— «Славно!» согласился я. «Нигдѣ не жилъ я такъ хорошо, какъ здѣсь!» снова началъ онъ. — «Я также».

Онъ съ досадой взглянулъ на меня и отшелъ въ другую сторону катера, устремивъ взглядъ на воду, по направленію острова, зеленымъ пятномъ мелькавшато въ золотомъ горячемъ туманѣ. Онъ досадовалъ на мою холодность. Онъ ждалъ изліяній восторга, горячихъ похвалъ, но передъ моими мысленными очами стоялъ образъ лэди Феннеръ, и я придумывалъ объясненія нашему продолжительному пребыванію въ этой первобытной странѣ. Лэди Феннеръ была особа въ высшей степни методичная и того же качества требовала отъ другихъ.

«Почему не вернулись вы къ назначенному сроку?» слышался мнѣ ея рѣзкій голосъ. — «Я не могъ увести вашего сына!» Какое признаніе въ собственномъ безсиліи и какое предательство по отношенію къ товарищу! «Троники деморализуютъ человека и...» Не сказать нѣчто подобное было, просто, невозможно...

А тѣмъ временемъ Феннеръ сидѣлъ согнувшись въ уголкѣ, низко спустивъ голову къ колѣнамъ.

«Фю...ю!» свистнулъ я, проходя третій разъ мимо него: «ты все еще не снялъ звѣрка, красиво!»

Онъ разсѣянно поглядѣлъ на цвѣты и на меня.

«Главное, декоративно!» снова сказалъ я.

— «Молчи!» раздраженно произнесъ онъ. Я оставилъ его покоѣ. За завтракомъ (намъ подали рыбу, кусочекъ черепахи, таро и ана-

насы) онъ внезапно заговорилъ: «Эхъ, попрактиковаться бы съ ними еще мѣсяца три, славно стали бы они играть въ крокетъ!» Потомъ: «обучить бы этихъ лошадокъ, отъѣздить, какъ слѣдуетъ, лучшимъ бы рысакамъ не уступили!» И, наконецъ: «построить бы маленький бѣлый домикъ на Британской горѣ, а передъ нимъ насадить аллею палланусовъ и юралловыхъ деревьевъ!»

Да, они обладаютъ секретомъ, Клемъ, нельзя не согласиться съ этимъ! Все это онъ говорилъ съ оставками въ продолженіе завтрака. Подозрительно, когда здоровый молодой человекъ, живой и сильный начинаетъ мечтать съ уютномъ домикѣ съ палланусовыми аллеями. Потому въ отвѣтъ на его слова, я насмѣшливо улыбнулся и спросилъ: «Секретомъ, какимъ именно?» — «Секретомъ жизни!» отвѣтилъ онъ. «Жизни, мой милый! Это не жизнь, а сокъ».

И онъ разсѣется, какъ только ты увидишь

людей своего округа, войдешь въ привычную среду!»

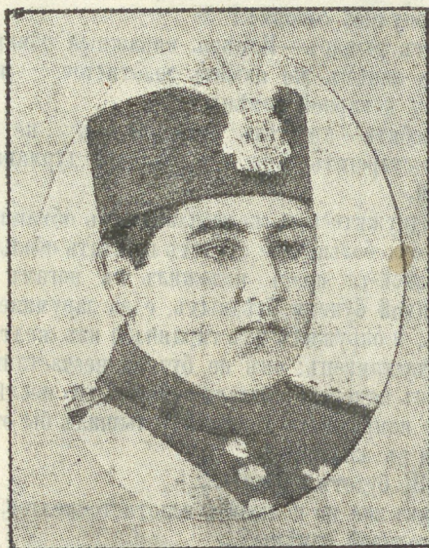
— «Не думаю!» прошепталъ онъ. Всю дорогу, вплоть до приѣзда въ Лондонъ, Феннеръ цѣлыми часами безмолвно лежалъ въ креслѣ на палубѣ, съ сигарой во рту, закинувъ руки за голову и сосредоточенно думалъ.

«Онъ долженъ вступить въ парламентъ и жениться на миссъ Стрикландъ!» сообщила мнѣ лэди Феннеръ по нашемъ приѣздѣ въ Крэймуръ. Взглядъ ея былъ при этомъ холодный и пронизывающій.

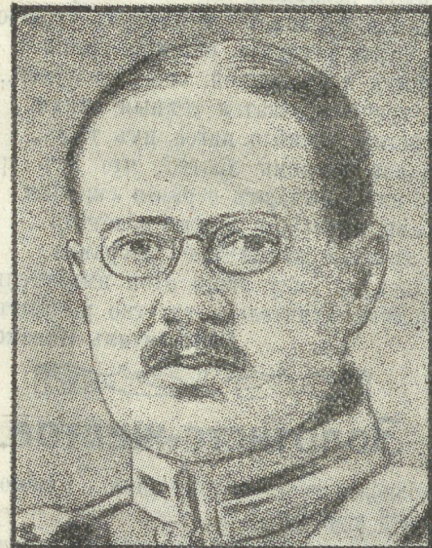
«Это путешествіе было ошибкой!» сказала она: «оно было дурно направлено!» Желала бы я знать, какъ направила бы она двадцатипятилѣтняго младенца съ независимымъ характеромъ и взглядами? Впрочемъ, я промолчалъ: она не задумалась бы надъ отвѣтомъ:

«Рекъ долженъ быть повидать свѣтъ, но онъ, повидимому, ничего не видалъ, кромѣ

ВЪ ПЕРСИИ

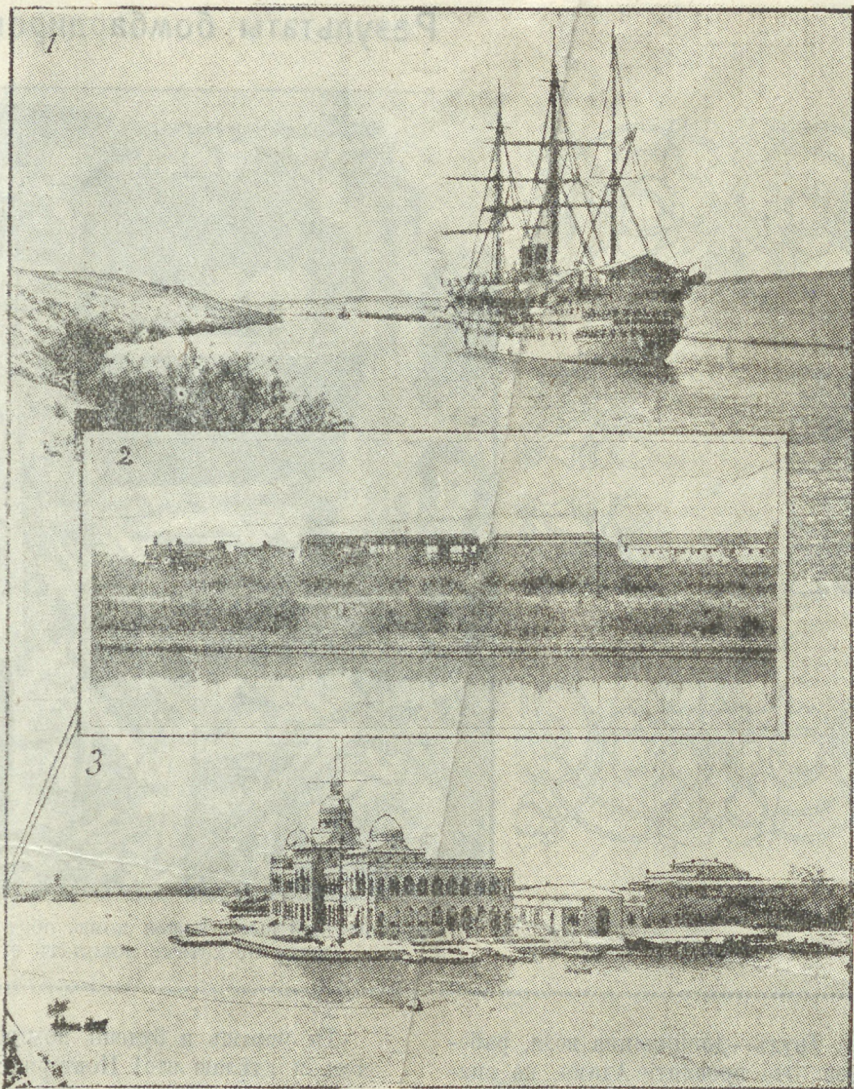

Ахмедъ-Мирза, 17-лѣтній шахъ Персіи.

Германскій посланникъ въ Тегеранѣ, Генрихъ 31-й принцъ Рейссій, руководившій безнадежной борьбой съ побѣдоносными русскими войсками.

ВИДЫ СУЭЦКАГО КАНАЛА.

1. Пароходъ, проходящій черезъ каналъ. 2. Каирскій экспрессъ. 3. Зданіе управленія канала въ Портъ-Саидъ.

Суэцкій каналъ, служащій соединительнымъ звеномъ между Западомъ и Востокомъ, былъ построенъ въ теченіе десяти лѣтъ 1859—1869 г.г. гениальнымъ французскимъ инженеромъ Лессепсомъ. Но планы о томъ, чтобы перерѣзать узкій перешеекъ, отдѣляющій Красное море отъ Средиземнаго, существовали еще въ древности, во времена расцвѣта Египта, фараонами было сдѣлано нѣсколько безуспѣшныхъ попытокъ осуществить этотъ планъ, и только въ 500 г. до Р. X. персидскому царю Дарію удалось прорыть судосходный каналъ, который впоследствии нѣсколько разъ подвергался расширенію и исправленію. Вслѣдствіе канала расширенію и исправленію. Вслѣдствіе канала однако слова были заброшены и засосаны пескомъ, и хотя планъ о прорытіи его возникать много разъ, такъ напримѣръ, Наполеонъ думалъ объ этомъ, но увидѣть жизнь каналу суждено было лишь въ 1869 г. Открытіе

канала обставлено было весьма торжественно и сопровождалось рядомъ празднествъ, на которыхъ египетскимъ хедивомъ были приглашены все знаменитости Европы. Такъ между прочимъ, побѣхалъ туда Генрихъ Ибсенъ. Во время празднествъ, между прочимъ, была поставлена опера «Аида», специально написанная для этого случая итальянскимъ композиторомъ Верди. Номинально Суэцкій каналъ принадлежитъ международному обществу, но на дѣлѣ владѣльцемъ и хозяиномъ его является англійское правительство, въ рукахъ котораго находится все акція предпріятія.

Длина канала равна 160 километру, и проехъ черезъ него продолжается 17 часовъ. Берега канала совершенно пустынные, вдоль его построена желѣзная дорога, соединяющая Портъ-Саидъ съ Каиромъ и Суэцомъ.

какихъ то острововъ? Что нашель онъ тамъ завлекательнаго?»

Я невольно вспомнилъ лунныя ночи въ Міату и его темнокожихъ островитянъ, танцующихъ свой туземный танецъ. «Тамъ было дивно хорошо!» прошепталъ я.

Леди Феннеръ нахмурилась. Съ дѣтства боясь я ея нахмуренныхъ бровей. «Да... а...» протянула она:

«А не замѣшана ли тутъ женщина?» Она пытливо взглянула на меня: «Помните, Клепъ, вы единственный другъ Рекса и вы старше его. Я предлагалась на васъ».

— «Ничего, леди Феннеръ, кромѣ самаго мѣста, вѣрите мнѣ! Я не могу... у меня нѣтъ словъ описать вамъ его очарованіе...»

«Видю сама!» насмѣшливо произнесла она: «Рексъ совсѣмъ намѣнился. Я надѣялась.. Я думала, что долгое пребываніе внѣ дома

заставитъ его болѣе цѣнить прелесть родины...»

Изъ этого разговора я увидѣлъ, что леди Феннеръ пришла въ «какихъ-то» островахъ сильнаго противника своимъ планамъ и, можетъ быть, побѣдителя.

Въ одно прекрасное майское утро мы плыли Фениеромъ по Юидъ-Парку.

Не могу выносить этого! Посмотри только!» воскликнулъ онъ.

— «Въ чемъ дѣло?» спросилъ я удивленно.

«Все... все... Мундиры военныхъ, кричащія туалеты дамъ, все эти претензіи и притворство, притворство, притворство... Ты знаешь меня хотятъ всунуть въ парламентъ!»

— «А тебѣ не улыбается эта перспектива? Ты слотѣе вернулся-бы въ Міату?»

Онъ остался вѣдалъ и взглянулъ на меня. «Что

правда, то правда! Ну, напримѣръ, пойдешь въ театръ, а затѣмъ полъ-ночи объѣдаешься въ ресторанахъ!

Не глупость ли это? Такое служеніе Богу и Мамонъ?..

— «Ты предпочелъ бы печеную рыбу и танцы островитянъ на свѣжемъ воздухѣ?»

Онъ отвѣтилъ только взглядомъ.

Въ концѣ іюня я получилъ срочную телеграмму отъ леди Феннеръ.

«Онъ исчезъ!» встрѣтила она меня на порогѣ гостиной: «уѣхалъ!»

Никогда, никогда не видалъ я леди Феннеръ такой «человѣчной» чуть не сказала я. Она волновалась и ея волненіе было замѣтно.

— «Боже милосердный!» воскликнулъ я, постаравшись удивиться.

Теперь, когда все начало устраиваться!» жаловалась она. «Вотъ, что онъ оставилъ. Прочтите и скажите ваше мнѣніе».

Я прочелъ. «Дорогая матушка! Изъ этого ничего не выйдетъ. Это не для меня. Я уѣхалъ не прощаясь, чтобы избѣжать объясненій. Вы бы все равно меня не поняли. Спросите Клена: онъ немножко понимаетъ. Очень огорченъ, что разстроилъ ваши планы по «игра не стоитъ свѣчъ». Подумайте объ этихъ словахъ, если станете досадовать на мой поступокъ. Пощады вы, можетъ быть, поймете, какъ могъ я порвать со всѣмъ и не слишкомъ осудите вашего любящаго сына Рекса».

Въ то время, какъ я читалъ это письмо, смутная догадка впервые мелькнула въ моемъ мозгу. Во всемъ былъ виноватъ вѣнокъ парпуровыхъ «драга!» Но подобную мысль развѣ могъ я высказать въ гостиной Крайгмура безъ риска прослыть сумасшедшимъ.

«Быть можетъ, это шутка?» услышалъ я извѣствованный голосъ леди Феннеръ.

— «О нѣтъ! Онъ уѣхалъ въ Міату!»

«Въ Міату?..»

— «Да, это одинъ изъ острововъ въ Южномъ морѣ, къ востоку отъ Фиджи; тотъ, гдѣ мы были раньше.»

Леди Феннеръ плотнула воздуха и отвернулась.

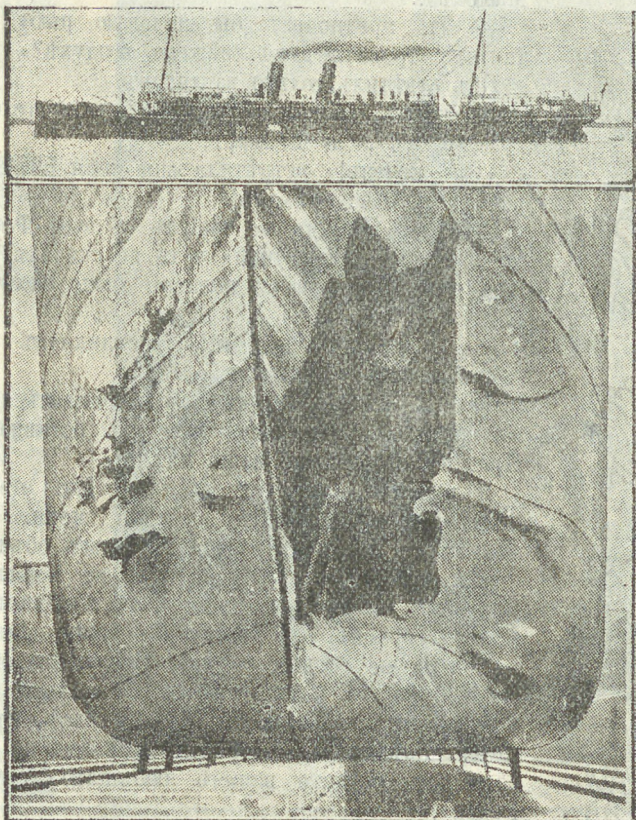
— «Не думаю даже, чтобы онъ когда нибудь вернулся обратно. Жизнь тамъ ему нравится болѣе здѣшней».

Тутъ леди Феннеръ начала умолять меня — съѣздить за ея сыномъ. Двѣ недѣли спустя я плылъ въ Южное море, начиненный до нелѣзя всѣми доводами, способными подѣйствовать на умъ и сердце нещекотанаго сына. Я былъ подавленъ ихъ тяжестью вплоть до Коломбо, въ Саидѣ они стали полегче, и окончательно вывѣтрившись изъ моей головы, лишь только я сошелъ на берегъ въ Міату. Тщетно пытаюсь собрать ихъ остатки, шель я по направленію къ гостиницѣ, расположенной среди коралловыхъ деревьевъ. Что въ этомъ адскомъ раю давало такую способность забвенія? Красныя земляныя дорожки, ярко-зеленныя лужайки, тѣнистыя кокосовыя пальмы, золотое солнце—все здѣсь было по-прежнему. Измѣнилась одна лишь лѣсистая гора, господствующая надъ мѣстечкомъ. Человѣкъ двадцать туземцевъ рубили тамъ лѣсъ или, сидя на корточкахъ, свертывали листья банана или очищали ножомъ тонкіе стебли бамбука.

Феннера я засталъ за чайнымъ столомъ въ обществѣ одного изъ туземцевъ.

«Здравствуй! здравствуй!» сказалъ онъ, усаживая меня въ плетеное кресло: «Что тебѣ предложить кофѣ или чаю?» — «Виски съ ссдой!» отвѣтилъ я.

На морѣ.

Вверху—пароходъ «Персія», который съ нарушениемъ международнаго права, былъ потопленъ въ Средиземномъ морѣ австрійскою подводною лодкой. При этомъ погибло 300 чело-
вѣкъ. Потопленіе Персіи вызвало бурю негодованія во всѣхъ нейтральныхъ странахъ.

Внизу—передняя часть одного корабля, въ которой пробита брешь миной. Стальные листы обшивки разорваны, какъ будто они изъ бумаги.

«Боюсь, что этого, у насъ не найдется. Вотъ чайку, сколько угодно. Пей вволю!»

Туземецъ улыбнулся, растянувъ ротъ до ушей, и вышелъ на улицу.

Феннеръ потянулся въ своемъ креслѣ и, лѣниво поднявшись, досталъ изъ шкафа графинъ виски.

«Я не хотѣлъ вводить въ соблазнъ стараго Буни», сказалъ онъ: «да и другимъ пить нельзя: они заняты постройкой дома. Ты видѣлъ, навѣрно? Тамъ, на горѣ?» Нѣсколько минутъ онъ промолчалъ, и вдругъ разсмѣялся возбужденнымъ смѣхомъ, живо наполнившимъ мнѣ наставленія лади Феннеръ.

«Ну начинай!» воскликнулъ онъ: «Тебѣ надо облегчить душу, а я достаточно подготовился, вооруженъ!» — «Пойдешь со мною!»

«Въ Англію?» — «Ну да!» «Дальше...»

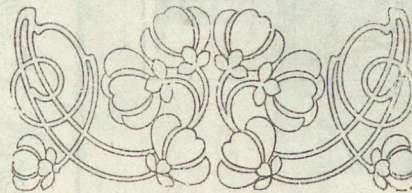
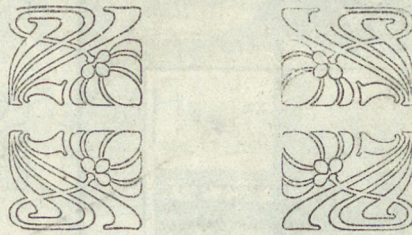
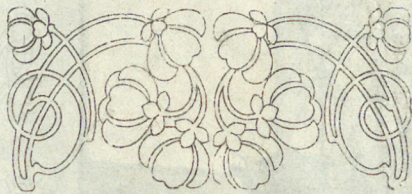
— «Ты обязанъ это сдѣлать ради матери, ради Крэйгмура. Подумай хорошенько!»

«А развѣ я не думалъ, Кленъ? Думалъ до головной боли, прежде чѣмъ рѣшился сюда уѣхать.»

Матери я обязанъ только рожденіемъ, а въ Крэйгмурѣ я лишній!» — «Матери твое присутствие необходимо!» «Никогда не замѣчалъ этого. Впрочемъ, понимаю: она хотѣла бы слышать фразы вродѣ слѣдующей:

«Вашъ сыночекъ далеко поидетъ!» или: «о, онъ многого достигнетъ!» А чего? Вотъ впрось».

— «Ты знаешь, что трудъ необходимъ чело-
вѣку!» Неоспоримой истиной звучали слова эти въ гостиной Крэйгмура. «Что ты называешь трудомъ? Любитель птицъ трудится, изучая ихъ жизнь. Ботаникъ, натуралистъ...» — «Трудиться, по моему, значитъ дѣлать что-нибудь по чувству долга, а не изъ любви

къ искусству. Трудъ—дисциплина воли, работа надъ собой. Это проклятіе Адама, но спасеніе челоѣчества».

Феннеръ улыбнулся. «Здѣсь не понятно самое слово—проклятіе. Я дѣлаю только то, что мнѣ нравится, а взгляни на меня!» Онъ выпрямился во весь свой могучій ростъ и окинулъ меня торжествующимъ взглядомъ. «Я устроилъ здѣсь площадку для игры въ «шло», обѣзжаю лошадей, наконецъ, чайныя плантаціи—эти дѣла моихъ рукъ...» — «Ты обладаешь большимъ состояніемъ», преваль я его: «Что же будетъ съ этими деньгами?» «Да, вотъ въ чемъ суть.»

Объ этомъ я, признаюсь, не думалъ... Мнѣ деньги не нужны. Хотѣлъ бы ты получить ихъ?»

— «Что ты говоришь, Рексъ?» — «Спрашиваю, хотѣлъ ли бы ты владѣть моимъ капиталомъ?»

Иначе, я отдамъ его на дѣла благотворительности.

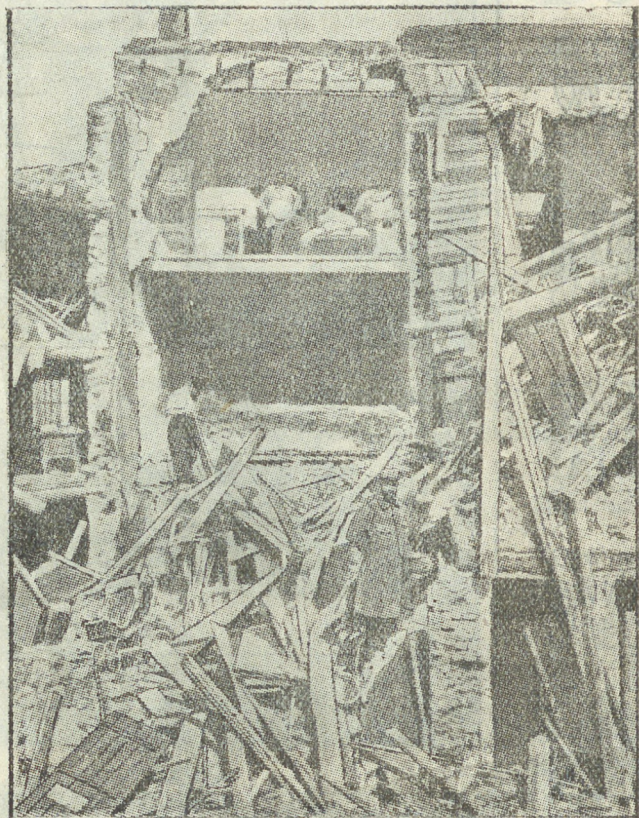
Повторяю: мнѣ деньги не нужны!»

— «Одумайся, Рексъ! Ты не понимаешь того, что говоришь? Я начинаю думать, что тебя околдовали», прибавилъ я. «Все можетъ быть!» процѣдилъ онъ сквозь зубы, закури-
вая папиросу: «ну такъ! Ничего не имѣю противъ. Давно сказалъ я тебѣ, Кленъ, что здѣсь въ Міату люди знали секретъ жизни. Я хочу раздѣлить его съ ними!» Видя мое недоумѣніе, онъ похлопалъ меня по плечу и сказалъ: «надо быть счастливымъ, дружище, вотъ и все!»

Разговоръ на эту тему возобновлялся не разъ и все съ одинаковымъ результатомъ. Но, видимо, Феннеръ началъ терять терпѣніе.

Однажды, идя на охоту за голубями, я повелъ обычную бесѣду. Онъ вдругъ повернулся ко мнѣ. Глаза его метали молніи. «Послушай!» воскликнулъ онъ: «ты завтра увидишь отсюда или... я не отвѣчаю за послѣдствія!» — «Безъ тебя я не уѣду!» сказалъ я, не обращая вниманія на его гнѣвъ.

Результаты бомбардировки.

Разрушенный выстрѣлами домъ, обитатели котораго не хотѣтъ покидать его.

«Ты умрешь и будешь похороненъ раньше, чѣмъ я сдѣлаю это! Повторяю: если ты останешься и будешь продолжать въ томъ же духѣ я... убью тебя!» — «Ты съ ума сошелъ!» «Можетъ быть.»

«Не я не шучу. Появлять?»

«Что было дѣлать? На слѣдующій день я уѣзжалъ изъ Міату. Когда катеръ готовъ былъ къ отплытію, на берегу появился Феннеръ. «Прощай, Кленъ!» крикнулъ онъ. Я не отвѣтилъ.»

«Если переѣдѣешь мнѣніе, приѣзжай сюда, не наскучивай своими совѣтами. Въ Міату нѣтъ мѣста для скуки. Подумай о деньгахъ.»

Если ты откажешься отъ нихъ, я пожертвую ихъ госпитально въ Тэрнингъ-Кроссъ».

— «Что ты пристаешь ко мнѣ со своими деньгами?» крикнулъ я въ себя: «убирайся къ черту!»

«Боюсь, что я не найду его здѣсь!» самодовольно улыбнулся Феннеръ.

Въ эту минуту что-то пролетѣло въ воздухѣ. Вѣнокъ пурпуровыхъ «драга» очутился на моей шеѣ. Туземцы громко и радостно закричали. Моимъ первымъ побужденіемъ было сбросить ненавистные цвѣты, но я устыдился своего ребячества. И съ вѣнкомъ на груди нырнулъ въ заливъ.

«Ничего не могъ сдѣлать! Ничего!» сказалъ я леди Феннеръ. Ея словъ я не слышалъ: я думалъ о другомъ.

Черезъ мѣсяць я бралъ билетъ на пароходъ, а еще черезъ два шелъ по аллеѣ пондалусовъ и кораловыхъ деревьевъ къ новому дому на горѣ, въ Міату.

«Я переѣдѣлъ свое мнѣніе!» сказалъ я, входя въ домъ.

— «Добро пожаловать!» отвѣтилъ Феннеръ.

